

Крикониук Екатерина Николаевна

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ПЕРСИДСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В статье рассмотрены современные теоретические подходы к изучению словообразования, понимание механизмов которого помогает создать целостное представление о структуре языка. Одной из эффективных научных парадигм, разработанных с целью исследования морфологии (как словообразования, так и словоизменения) является формально-морфологическая. На основе результатов, полученных в ходе формально-морфологического анализа массива лексики персидского словаря, сформулировано несколько лингвостатистических и морфологических закономерностей персидского словообразования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 119-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Ильинова Е. Ю.** Рекламный дискурс: ценности, образы, ассоциации // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 38-56.
6. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. **Кочетова Л. А.** Диахронный подход к изучению рекламного дискурса: теоретико-методологический аспект // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Сер. Языкознание. Вып. 5 (638). С. 216-224.
8. **Кочетова Л. А.** Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 404 с.
9. **Олянич А. В.** Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
10. **Скнарев Д. С.** Языковые средства создания образа товара в рекламном дискурсе (на материале рекламы отечественных автомобилей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8. Ч. 1. С. 174-180.
11. **Стернин И. А.** Основы речевого воздействия: учебное издание. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
12. **Паршин П. Б.** Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М.: Международный институт рекламы; Издательский дом Гребенникова, 2000. С. 55-73.
13. **Трошина Н. Н.** Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. С. 62-69.
14. **Шелестюк Е. В.** Методологии исследования воздействия персуазивно-суггестивных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 3. С. 148-159.
15. **Caledonian Mercury.** 1788. September 1.
16. **The Times.** 1788. March 3.
17. **The Times.** 1790. March 4.
18. **The Times.** 1798. May 3.

COGNITIVE AND PRAGMATIC FOUNDATIONS OF ARGUMENTATION IN THE ENGLISH ADVERTISING DISCOURSE OF THE XVIII – XIX CENTURIES

Krivobokova Galina Aleksandrovna
Volgograd State University
galina_krivobokova@yahoo.com

The paper justifies the necessity for studying persuasiveness of an advertising discourse from the viewpoint of historical discoursology. The author identifies the basic characteristics of argumentative structures in the English advertising of the XVIII-XIX centuries, reveals the cognitive and pragmatic foundations for developing argumentative structures conditioned by the specifics of socio-cultural conditions of functioning advertising in this period.

Key words and phrases: discourse; advertising discourse; diachronic approach; argumentation; cognitive and pragmatic foundations; function of influence.

УДК 1751

Филологические науки

В статье рассмотрены современные теоретические подходы к изучению словообразования, понимание механизмов которого помогает создать целостное представление о структуре языка. Одной из эффективных научных парадигм, разработанных с целью исследования морфологии (как словообразования, так и словоизменения) является формально-морфологическая. На основе результатов, полученных в ходе формально-морфологического анализа массива лексики персидского словаря, сформулировано несколько лингвостатистических и морфологических закономерностей персидского словообразования.

Ключевые слова и фразы: словообразование; формально-морфологический подход; генеративный подход; ономазиологический подход; персидский язык; закономерность Эсту-Зипфа; морфологические закономерности; словообразовательная формула; инициаль; медиаль; финаль.

Крикониюк Екатерина Николаевна

*Институт востоковедения НАН Украины им. А. Ю. Крымского
kr.kateryna@yahoo.com*

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ПЕРСИДСКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ[©]

Изучение словообразования является необходимым шагом при воспроизведении целостного представления о структуре языка. «Сложность системы словообразования обуславливается тесными связями с другими уровнями языка, <...> исключительной подвижностью системы и невозможностью проведения жестких

границ между ее потенциальными и фактической реализацией, между словообразованием и словоизменением, <...> разнообразием и коммуникативной значимостью самих функций словообразования» [6, с. 466].

На сегодняшний день в современной лингвистике различают три основных подхода к изучению морфологии и, в частности, словообразования: генеративный, ономазиологический и формальный. Возникновение теории «порождающих грамматик» Н. Хомского тесно связано с началом компьютерной эпохи и попытками понять, каким образом язык закодирован в человеческом сознании. Генеративное направление в лингвистике представлено широким спектром дедуктивных теорий – от радикальных лексикалистских, которые отказались от понятия «морфема» и дихотомии словообразование / словоизменение (Р. Либер, С. Лапойнт, А. М. ди Шулло и Е. Вильямз, А. Маранца, Д. Песецкий, Р. Спроат, М. Аронов [7, с. 343; 15]), до более умеренных, пытающихся объяснить морфологические правила фонологическими (неконкатенативная модель «автосегментной фонологии» Дж. МакКарти и А. Принса (1986)), морфонологическими (теория «лексической фонологии» П. Кипарского (1982), М. Галле и Р. Моганана (1985), Г. Буйджи и Р. Б. Рубака (1987), Ш. Инкеласа (1993)) и синтаксическими (теория «управления и связывания» М. Бейкера (1988), концепция «наносинтаксиса» М. Старке (2010) [17]) механизмами некоей универсальной модели языка.

Ономазиологический подход впервые был предложен М. Докулилой и в деталях разработан в трудах Е. С. Кубряковой [5], В. Н. Телии [8], П. Штекауера [18], Л. Бауера [16] и других ученых. Ономазиология рассматривает словообразование в свете теории номинации и использует для его интерпретации понятия ономазиологического базиса, ономазиологического признака, связи и ономазиологической категории [3, с. 289]. Определение морфемы, как билатеральной языковой единицы в пределах ономазиологии, дает основания сделать вывод о иерархическом характере структуры языковых уровней – меньшие языковые единицы образуют блоки, из которых состоят высшие уровни единиц. Учитывая это, ономазиологический подход рассматривает словообразование как основной (непромежуточный) языковой уровень. Основой ономазиологического подхода являются семантические категории, которые передают комплексный речемыслительный процесс человека как существа социального.

Другим эффективным подходом к изучению словообразования и словоизменения считается формально-морфологический. Формальная морфология возникла в рамках структурной лингвистики в 1960-х годах. Один из ее методов – формально-морфологический анализ – был разработан И. Братчиковым, С. Фитиаловым, Г. Цейтиным для нужд машинного перевода в области словоизменения. По предложенной ими методике формализованные описания морфологии словоизменения разных языков осуществил в 1963–2003 гг. К. М. Тищенко [9; 10; 19; 20]. Это формальные морфологии глагольных подсистем французского, итальянского, португальского, испанского, персидского и финского языков; описание акцентуационных моделей именного словообразования русского языка, а также системы моделей словоизменения частотной лексики украинского языка.

Одна из первых попыток изучить систему словообразования лексики персидского языка сделана О. Бедовым [1] под научным руководством К. М. Тищенко в дипломной работе «Морфологическая структура современного персидского языка», пробным материалом для которой стал реестр небольшого персидско-японского словаря Ш. Оказаки (прибл. 6000 слов).

Основными методологическими принципами формально-морфологического подхода являются полнота, простота, однородность и формализация [4]. Этот подход оказался эффективным при создании реальных описаний словообразования и словоизменения многих языков. В результате проведенных нами исследований словообразования персидского языка средствами формальной морфологии был выявлен ряд лингвостатистических и морфологических закономерностей системы персидского словообразования.

Дальнейшее изложение дает представление о возможностях и перспективах формальных исследований персидского словообразования. С целью классификации данных, полученных путем формализованного морфологического анализа лексем толкового словаря М. Кариба (29162 слова) [21], была составлена матрица производительных словообразовательных моделей персидского языка (Рис. 1), представленных их формулами (на основании сочетаемости частотных финалей). Матрица содержит закономерность образования существительных, начальной морфемой которых является инициаль-префикс. Эту закономерность можно сформулировать таким образом: *в случае если инициалью словообразовательной формулы выступает префикс, а финалью – морфологический класс, то медиаль образована нулевой морфемой (например: dar- + N (درخوار، دربار – dar-khāne, dar-bār – «шахский двор», «придворные люди»), dar- + V (دربند – dar-band – «палка для запираания двери»)). Исключение из этого правила составляет словообразовательная формула N”=be+V+N (слово بیتلوکار «кредитор»).*

Задав в нисходящем порядке количество различных финалей, которые могут сочетаться с заданной инициалью, получаем оптимальное описание этого множества {a-Ø-C} словообразовательных моделей существительных персидского языка (Рис. 1). Совершенная визуализация материала на этом рисунке дает возможность выделить 7 структурных типов в пределах множества {a-Ø-C} словообразовательных моделей персидского языка:

Тип 1. (-N, -W, -V, -Aj): ham-:

ی‌دین‌گ، یم‌چشم، یدم، یم‌ز، یم‌کار، یم‌ال، یم‌زاه، یم‌ست، یم‌ج‌ار؛ یم‌ج‌ش، یم‌ر، یم‌ش‌اد؛

hamāhang, hamčēšm, hamdam, hamsar, hamkār, hamsāl, hamrāh, hamdast, hamjavār, hamjooš, hamāvard, hamzād / (координатор, соперник, компаньон, жена, сотрудник, ровесник, попутчик, сообщник; сосед; объединение, ратник, близнец).

Тип 2. (-N, -W, -V): dar-:

دربار، درخوار، در؛ دین‌دگرگشت، درآمد، درخ‌لست؛

darbār, darkhāne, darvā, darband; dargozašt, darāmad, darkhāst / (придворные люди, «шахский двор», потребность, палка для запираания двери; смерть, прибыль, просьба);

- var-**: *تاج، سینگ، رُئاس؛ شُرکست*;
var-tāj, varsang, varandāz; varšekast / (подсолнечник, репутация; осмотр; банкрот);
bar-: *بازچسب بزم آل بشاره بنان اوم بجزان هله بجز گش ار بجز آرد بجز خرد بجز نشن تبز گشت*;
barčasb, barmāl, barbāre, barnāme; barandāz bargozār; barāvard, barkhord, bardāšt, bargāšt / (клей, побег, мансарда, программа; взгляд, проведение; оценка, столкновение, снятие, возвращение);
bāz-: *بیس دم بیس دار بیس رص بیس خنک بیس یود بیس زلفت*;
bāzdam, bāzdār, bāzres; bāzkhāst, bāzdid, bāzyāft / (выдох, предотвращение, инспектор; выпрашивание, посещение, переработка).
Тип 3. (-N, -W): bi-: *بی سی م بیوی ده بی سگو بی داد*;
bisim, bihode, bisekke; bidād / (рация, «одеяние, пожелтевшее от огня», «никчемный человек»; угнетение);
foroo-: *فوز سفت فوز طوفوز نشن*;
foroodast, foroomāye, foroodāšt / (подчиненный, «подлый человек», заключение).
Тип 4. (-W, -V): vā-: *کین د، کوریش، آخ کلنت، قم د*;
vāband, vāriz; vākhāst, vānamood / (кут, депозит; выпытывание, видимость).
Тип 5. (-N, -Pron): doš-: *شون ام، ش من*;
došnām, došman / (оскорбление, враг).
Тип 6. (-N): bād-, be-, andar-, khar-, deš-, farā-, pā-, pād-: *بیل ی زه؛ بیسن کل کار؛ ق دگاه؛ خیزن گ، خگاه، خزم، خزم ش، خزه ی زه، خزار؛ شویول فنز یلن فنزادر بیس ی ز بیس خ بی افلز اه بیس ی ز*;
bādzahre; bestānkār; andargāh; kharsang, khargāh, kharman, kharmooš, kharmohre, kharvār; dešpil, farūbar, farādar, farāpāye; pāzahr, pāsokh; pādafrāh, pādzahr / (подагра; кредитор; «название пяти последних дней года»; скала, «просторное место», стог, крыса, колокол, харвар (мера веса); сальная железа; «сочная мякоть плода», палка; противоядие, ответ; наказание, антидот).
Тип 7. (-W): na-: *نب د*;
nabud / (отсутствие).

Морфологический класс	Finale →	-N	-W	-V	-Aj	-Pron
	Initiale ↓					
N	ham-	-Ø- (ham-sar)	-Ø- (ham-āvard)	-Ø- (ham-joosh)	-Ø- (ham-javār)	
	dar-	-Ø- (dar-bār)	-Ø- (dar-āmad)	-Ø- (dar-band)		
	var-	-Ø- (var-sang)	-Ø- (var-šekast)	-Ø- (var-andāz)		
	bar-	-Ø- (bar-nāme)	-Ø- (bar-dāšt)	-Ø- (bar-andāz)		
	bāz-	-Ø- (bāz-dam)	-Ø- (bāz-did)	-Ø- (bāz-res)		
	bi-	-Ø- (bi-sim)	-Ø- (bi-dād)			
	foroo-	-Ø- (foroo-dast)	-Ø- (foroo-dāšt)			
	vā-		-Ø- (vā-khāst)	-Ø- (vā-riz)		
	doš-	-Ø- (doš-nām)				-Ø- (doš-man)
	bād-	-Ø- (bād-zahre)				
	be-	-V- (be-setān-kār)				
	andar-	-Ø- (andar-gāh)				
	khar-	-Ø- (khar-gooš)				
	deš-	-Ø- (deš-pil)				
	farā-	-Ø- (farā-bar)				
	pā-	-Ø- (pā-zahr)				
pād-	-Ø- (pād-afrah)					
na-			-Ø- (na-bood)			

Рис. 1. Матрица множеств {a-Ø-C} производительных моделей сложных существительных (инициаль – аффикс a; финаль – класс слов C; медиали практически отсутствуют; Ø; единственное исключение – {a-V-C})

M/к	Финаль →	-and	-gi	-ān	-i	-e	-ār	-bān	-eš	-ye	-gān	-gāh
	Инициаль ↓											
N	bar-	-V-	-Aj-	-V-	-V-	-N-						
	bi-					-N-	-N-	-N-				
	vā-				-V-				-V-	-V-		
	ham-				-W-	-W-						
	bāz-										-N-	-W-
	dar-					-W-						
	var-					-V-						
	khar-					-N-						
	ā-					-V-						
ā-					-V-							

Рис. 2. Матрица множества {a-C-a} производительных моделей сложных существительных (инициали и финали – аффиксы, медиали – лексический класс C)

По критерию инициали – 6 типов / подмножеств:

1. bar- (-e, -i, -and, -gi, -ān); 2. bi- (-e, -ār, -bān); 3. vā- (-i, -eš, -ye);
4. ham- (-e, -i); 5. bāz- (-gān, -gāh); 6. dar-, var-, khar-, ā-, a- (-e).

По критерию финали – другие 6 типов / подмножеств:

1. -e (bar-, bi-, ham-, bāz-, dar-, var-, khar-, ā-, a-); 2. -i (bar-, vā-, ham-);
3. -and, -gi, -ān (bar-); 4. -ār, -bān (bi-); 5. -eš, -ye (vā-); 6. -gān, -gāh (bāz-).

M/к	Fin.→	-ande ₃	-dān ₃	-ār ₃	-āk ₃	-gar ₄	-oo ₄	-bān ₃	-yeš ₃	-āl ₃	-āle ₃	-vāre ₃	-vand ₃
	Init.↓												
N	Aj-						-Ø ₍₅₎	-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎	
	N-	-Ø ₍₃₎	-Ø ₍₂₃₎	-Ø ₍₅₎	-Ø ₍₂₎	-Ø ₍₂₄₎	-Ø ₍₉₎	-Ø ₍₃₁₎	-Ø ₍₂₎	-Ø ₍₂₎	-Ø ₍₄₎	-Ø ₍₈₎	-Ø ₍₆₎
	V-	-Ø ₍₂₀₎		-Ø ₍₂₎	-Ø ₍₄₎	-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎		-Ø ₍₇₎	-Ø ₍₂₎			
	W-			-Ø ₍₁₂₎	-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎					
	Prep-											-Ø ₍₁₎	-Ø ₍₁₎
	Ad-												-Ø ₍₁₎

Рис. 3. Матрица множества {C-Ø-a} производительных формул сложных существительных (вторая зона Брэдфорда; инициали – морфологические классы; финали – аффиксы)

По критерию инициали – 6 типов / подмножеств (Aj-, N-, V-, W-, Prep-, Ad-).

- По критерию финали – 8 типов / подмножеств: 1. -ande₃, -dān₃; 2. -ār₃, -āk₃, -gar₄; 3. -oo₄; 4. -bān₃; 5. -yeš₃, -āl₃; 6. -āle₃; 7. -vāre₃; 8. -vand₃.

M/к	Fin.	-ande ₃	-gar ₄	-āle ₃	-dān ₃
	Init.				
N	N-	-V ₍₂₎	-i ₍₃₎	-ak ₍₁₎	
	V-				-ande ₍₁₎

Рис. 3, а. Матрица множества {C-C/a-a} производительных формул сложных существительных (вторая зона Брэдфорда; инициали – морфологические классы; финали – аффиксы)
По критерию инициали и финали выделены 2 типа (подмножества).

Матрицы производительных формул существительных на Рис. 2, Рис. 3 обнаружили еще одну тенденцию в системе словообразования существительных персидского языка. Согласно концепции морфологической типологии языков персидский язык является флективным. Как и в других индоевропейских языках, его структура предусматривает приставочные части, а если выражаться терминами формально-лингвистического подхода – инициали-префиксы, которые обуславливают *разный* характер медиалей. **В случае если инициаль словообразовательной формулы – префикс, а финаль – суффикс, то медиаль образует один из морфологических классов. Если же инициаль принадлежит к морфологическому классу, то медиаль может быть морфологическим классом, нулевой морфемой или суффиксом.** Например: $N'' = \bar{a} + V + e$ (آفرای، آف رَی) *āfrāze, āfrooze* – «пламя», «зажим»), $N'' = bāz + W + gāh$ (بازو دنگی) *bāzdaštīgāh* – «тюрьма»), $N'' = bar + V + \bar{a}n$ (بارگردان) *bargardān* – «копирка»), $N'' = bar + V + and$ (باربندی) *barāyand* – «результат»), $N'' = bar + V + i$ (باررسی) *barresi* – «проверка») – в словообразовательных формулах, где инициали – префиксы, медиаль образует морфологический класс; $N'' = V + ande + dān$ (پایبندان) *pāyandān* – «поручитель»), $N'' = N + \bar{a}n + ak$ (بارو ک، شیلو ک) *bārānak, šabānak* – «рябина глоговина», «мелкопестник едкий»), $N'' = N + \bar{a}n + ji$ (گاو جی) *gāvji* – «герой»), $N'' = N + ak + \bar{a}le$ (داسکال) *dāskāle* – «серп»), $N'' = N + gin + e$ (گینی) *khāgine* – «омлет»), $N'' = N + i + gar$ (بارنیگر گلیگر) *barzigar, goligar* – «крестьянин», «торговец цветами»), $N'' = N + ool + e$ (زنگول) *zangoole* – «колокольчик»), $N'' = N + vān + e$ (پارو دضتو) *parvāne, dastvāne* – «бабочка», «наручи» (часть доспехов, защищающая руки от локтя до кисти), $N'' = V + \bar{a}n + ak$ (لرزوک) *larzānak* – «желе»),

$N''=Aj+N+e$ (زردچُضرب – *kurkuma, sardābe* – «куркума», «подвал»), $N''=Aj+V+i$ (ضاي فُطى، ضيخ دزى – *sādenevisi, zakhimdoozī* – «простое написание», «пошив грубой одежды»), $N''=Pron+N+e$ (كاري – *harkāre* – «каменная кастрюля»), $N''=Num+N+e$ (چ ارگام – *čahārgāme* – «быстрая лошадь»), $N''=Num+V+e$ (سُارتبک – *hezārtābe* – «солнце»), $N''=N+N+ak$ (مارمُلك – *ābdozdak, mārmoolak* – «медведка», «ящерица»), $N''=N+N+e$ (نُي ه ک – *zinkoohe* – «лука седла»), – в словообразовательных формулах, инициаль которых составляет морфологический класс, медиалью может быть как суффикс, так и морфологический класс.

Применение статистических методов в лингвистике позволяет делать весьма точные выводы об исследуемых явлениях и взаимосвязях между ними, основанные на объективных критериях проверки их правдоподобия [12, с. 182].

Закон Эсту-Зипфа – это эмпирическая закономерность распределения слов в порядке убывания частотности его употребления в любом языке. Сегодня описанную этим американским лингвистом закономерность называют «законом Зипфа», хотя на самом деле он повторил и расширил наблюдения Эсту и Кондона, дав им содержательную интерпретацию. В книге «Психобиология языка», опубликованной в 1935 году, Зипф доказал, что частота слова обратно пропорциональна его рангу. Он ввел в формулу Эсту-Кондона дополнительную постоянную γ , которую следует рассчитывать для каждого исследуемого текста: $rf^{\gamma} = \text{const}$. Как все модели, особенно статистические, закон Эсту-Зипфа является приближением к действительности и не может буквально отражать структуру первого попавшегося текста. Модификации этой формулы лучше соответствуют эмпирическим данным, однако, они осложнены введением в них дополнительных переменных [11, с. 144]. На графике распределение слов в порядке убывающей частоты выражено гиперболической кривой [Там же, с. 22].

Упорядочивание формул инвентаря (полученных путем морфологического анализа лексем словаря) по принципу производительности и количества морфем в словообразовательных формулах позволило выявить лингвистатистические закономерности Эсту-Зипфа, действующие в системе словообразования персидского языка. Первая из них звучит так: **если упорядочить словообразовательные формулы от наиболее производительной до гапаксов (то есть, формул, которые образуют только одно слово; ось f), то соотношение между рангом той или иной словообразовательной модели (ось r) и количеством слов, которую она образует, будет выражать гиперболическая кривая Эсту-Зипфа. Другими словами, чем больше слов образует словообразовательная модель, тем выше ее ранг.**

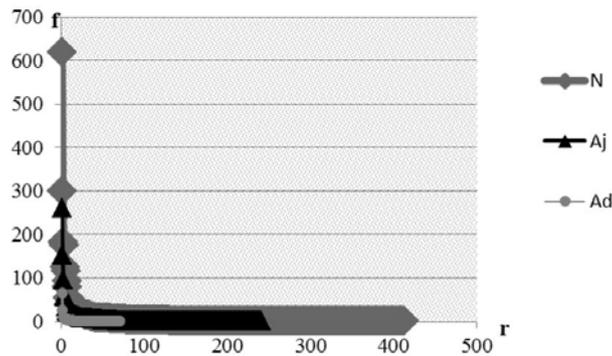

Рис. 4. Закономерность Эсту-Зипфа 1.

Частотно-ранговое распределение моделей словообразования сложных существительных, прилагательных и наречий (f – количество слов, образованных по определенной словообразовательной формуле, r – ранг формулы)

Распределение словообразовательных формул по количеству морфем во всех морфологических классах тоже имеет характер закономерности Эсту-Зипфа: **чем меньше морфем в словообразовательной формуле, тем больше таких формул.**

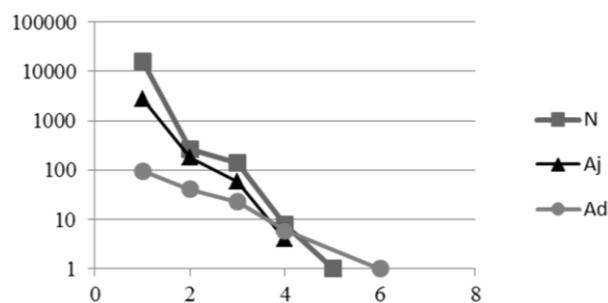

Рис. 5. Закономерность Эсту-Зипфа 2. Распределение словообразовательных формул существительных, прилагательных и наречий по принципу количества морфем (логарифмический масштаб по оси Y)

Частотно-ранговое распределение суффиксов существительных и прилагательных в порядке убывающей валентности также проявило характер закономерности Эсту-Зипфа: *чем больше валентностей имеет суффикс, тем выше его ранг*.

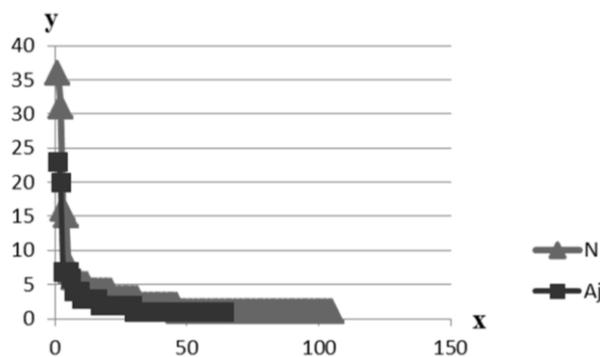

Рис. 6. Закономерность Эсту-Зипфа 3. Частотно-ранговое распределение суффиксов существительных и прилагательных в порядке убывающей валентности (x - индекс валентности суффикса, y - ранг суффикса)

Таким образом, проведенное нами исследование показало эффективность формального метода для изучения закономерностей и взаимосвязей в словообразовании любого естественного языка. Упорядочивание формул словообразовательного инвентаря с помощью матриц, а также на основании их производительности и количества морфем в слове позволило выявить ряд лингвостатистических закономерностей, по которым происходит организация морфологических составляющих в лексеме на первом уровне словообразовательной структуры и словообразовательных моделей на втором более обобщенном уровне, представленном группами морфологических классов словообразовательного инвентаря. Только после изучения формального каркаса языка исследователь получает необходимую базу для анализа сущности языка [14, с. 44]. На основе полученных практических результатов представляется возможным дальнейшее рассмотрение словообразовательной системы современного персидского языка в контексте универсальных лингвистических моделей.

Список литературы

1. Бедов О. Морфологічна структура сучасної перської лексики: дипломна робота. Київ: Препринт, 1997. 55 с.
2. Братчиков И. Л., Фитиалов С. Я., Цейтин Г. С. О структуре словаря и кодировке информации для машинного перевода // Материалы по машинному переводу. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 61-87.
3. Кочерган М. П. Загальне мовознавство: підручник. 3-тє видання. Київ: ВЦ «Академія», 2008. 464 с.
4. Криконюк К. М. Семантика, словотвір і етимологія оронімів Ірану // Вісник Львівського університету. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2013. Вип. 59. С. 131-143.
5. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978. 188 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
7. Пругнян В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Журнал семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1996. Вып. 36. С. 324-385.
8. Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1981. 269 с.
9. Тищенко К. Н. Глагольная парадигма романских языков: дисс. ... к. филол. н. Киев, 1969. 254 с.
10. Тищенко К. М. Оптимальна морфологія перського дієслова // Вісник КДУ. Ін-т філології. К.: КДУ, 1995. Вип. 25. С. 14-19.
11. Тищенко К. М. Основи мовознавства: системний підручник. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2007. 308 с.
12. Фрумкина Р. М. Роль статистических методов в современных лингвистических исследованиях // Математическая лингвистика. М.: Наука, 1973. С. 165-182.
13. Хомский Н. О понятии «правило грамматики» // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1965. Вып. IV. С. 34-65.
14. Шаумян С. К. Структурная лингвистика. М.: Наука, 1965. 395 с.
15. Aronoff M. Word Formation in Generative Grammar (Linguistic Inquiry Monograph). Massachusetts: The MIT Press, 1976. 134 p.
16. Bauer L. English Word-Formation. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 315 p.
17. Starke M. Nanosyntax. A Short Primer to a New Approach to Language [Электронный ресурс] // Digital Version. URL: <http://septentrio.uit.no/index.php/nordlyd/article/download/213/205> (дата обращения: 14.07.2014).
18. Štekauer P. Fundamental Principles of an Onomasiological Theory of Word-Formation in English [Электронный ресурс] // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské Univerzity studia minora facultatis philosophicae Universitatis Brunensis, 1999. S. 75-98. URL: http://www.phil.muni.cz/plonedata/wkaa/BSE/BSE_1999-25_Scan/BSE_25_06.pdf (дата обращения: 17.03.2014).
19. Tyschenko K. Morphologie optimale de synthèse du verbe français // Вісник КДУ. Романо-герм. філол. К.: КДУ, 1973. № 7. С. 34-40.
20. Tyschenko K., Rudyj B. A. Suomen Kielen Sananjohdon Yaajuuskirja – A Frequency Dictionary of Finnish Word Building. Kiev: Kiova, 2004. 140 p.
21. قریب، محمد. آئیوام فوئی ه نهل امل آئی "ایگ نگ ن زبان لیبائت فوئی ل غات ل طر طلاحات عوی اربای مطع عمل دف فوئی (چاپ ا لت بران، 6451، 6431 ص).

**LINGUO-STATISTICAL AND MORPHOLOGICAL REGULARITIES
IN THE PERSIAN WORD FORMATION****Krikonyuk Ekaterina Nikolaevna***A. Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine
kr.kateryna@yahoo.com*

The article examines modern theoretical approaches to studying word formation, understanding its mechanisms helps to develop a holistic conception of the structure of a language. One of the effective scientific paradigms developed with a view to investigate morphology (both word formation and word transformation) is a formal-morphological. On the basis of the findings of a formal-morphological analysis of a corpus of Persian vocabulary the author formulates some linguo-statistical and morphological regularities of Persian word formation.

Key words and phrases: word formation; formal-morphological approach; generative approach; onomasiological approach; Persian language; Zipf's law; morphological regularities; word-formative formula; initial; medial; final.

УДК 398.3

Филологические науки

В статье раскрываются причины, обусловившие многообразие жанровых форм, большое количество вариантов в фольклоре и обрядах населения южных районов Нижегородской области. Основное внимание автор концентрирует на взаимовлиянии фольклора и этнографии русской и соседствующих с ней угрофинских народностей, прежде всего мордвы. Выясняется и неоднородность собственно русского населения региона, вызванная разновекторными миграционными потоками.

Ключевые слова и фразы: традиционная культура; региональная специфика; русское устное поэтическое творчество; мордовская народная поэзия; миграционные потоки.

Курдин Юрий Александрович, к. филол. н.*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
yukurdin@mail.ru***ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АРЗАМАССКОГО КРАЯ
В ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ[©]**

Географы делят Нижегородскую область в её современных административных границах на три зоны: центральную Приволжскую, лесное Заволжье и Южную лесостепную. Каждая из указанных территорий имеет свои особенности: ландшафтные, экономические, исторические. Южнонижегородские земли структурно интегрированы вокруг города Арзамаса, который со второй половины XVI века являлся крупным уездным городом, а в 1954-1957 годах был областным центром. Границы арзамасского региона пролегают по фиксированному административным рубежам Нижегородской области с Чувашией, Мордовией, Рязанской и Владимирской областями.

Становление традиционной культуры края непосредственным образом связано с образованием русского централизованного государства в XVI веке, когда на исконно мордовские малозаселённые земли стали перебираться выходцы из русских областей [9]. В последующие четыре столетия в арзамасском регионе, как в своеобразном плавильном котле, сформировалось православное население из пришлого русского люда и постепенно ассимилировавшейся автохтонной мордвы. Локальные особенности фольклора Арзамасского края обусловлены, прежде всего, многовековым взаимодействием и взаимовлиянием русской и мордовской народных культур. Наличие смешанных браков обусловило возможность выработки общих или сходных элементов свадебного ритуала. Общими для мордовской и русской свадьбы являлись такие обрядовые моменты, как выпечка каравая, баня, расставание с девичеством, расплетание косы. Как и в русской свадьбе, в мордовской важную роль играли причитания. Трудно сказать, есть ли основания считать отмеченные черты заимствованиями, но они свидетельствуют о взаимных связях народов.

Позднее в фундаментальном этнографическом труде «Очерки Мордвы» Мельников-Печерский выделил целый ряд общих черт в обрядах русского и мордовского народов, обусловленных многовековыми добрососедскими связями. Перечислим лишь эти общие места из традиционной культуры региона, по мнению Мельникова-Печерского, характерные для русского и мордовского населения: «величание невесты на свадьбах»; «в селах кумление девушек, для чего делают большие венки из берёзовых ветвей и после песни целуются через венок одна с другою. Песня в Симбирской и Нижегородской губерниях при этом поётся следующая. Она употребляется и русскими: